

мертвецов» (III, 50) заставляют вспомнить романтическую поэтизацию средневекового ремесленного уклада города Нюрнберга в новелле Гофмана «Мастер Мартин-бочар». В этой новелле, кстати, развивается тема уверенности художника в своей внутренней правоте и неоднозначная оппозиция «ремесло – искусство».

⁵² *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 476.

⁵³ О «Канцоне» см.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 557–562 ; *Амелин Г., Мордерер В.* Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М. ; СПб., 2000. С. 36–64 ; *Кацис Л.* Осип Мандельштам : мускус иудейства. М. ; Иерусалим, 2002. С. 126–137 ; *Видгоф Л.* О «начальнике евреев» и «малиновой ласке». (Два шага на пути к пониманию «Канцоны» О. Мандельштама) // *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. С. 32–55.

УДК 821.111.09+929Акройд

ГОРОД И ФАНТАЗЕРЫ В РАБОТАХ П. АКРОЙДА

М. В. Дубкова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: pismoноsec@gmail.com

В статье анализируется образ Лондона в произведениях художников-фантазеров, описанных П. Акройдом. Результатом становится демонстрация эволюции образа города в ходе развития английской литературы в период с XIV по XX в.

Ключевые слова: Лондон, фантазеры, биография, Акройд.

The City and the Visionaries in the Works by P. Ackroyd

M. V. Dubkova

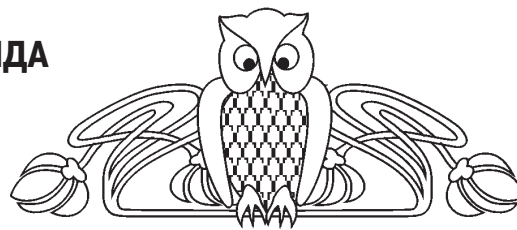
This article explores the image of London in the works of London artist-visionaries – the subjects of Peter Ackroyd's biographies. The goal is to trace the evolution of the city image in the course of the English literature development from XIVth to XXth centuries.

Key words: London, visionaries, biography, Ackroyd.

Фантазер в данном случае – один из вариантов перевода слова «visionary», которым Питер Акройд, известный британский писатель, называет героев своих биографий. Среди возможных переводов этого термина перечисляются провидец, прорицатель, мечтатель, выдумщик, фантазер. Мы выбрали «фантазер» как наименее коннотативно нагруженное понятие. «Я хочу описать тех художников, поэтов, драматургов, писателей и актеров, которые воссоздали все то разнообразие, всю ту энергию и зрелищность, которые город требует от своих жителей»¹. Движущей силой их дара служит энергия города. Согласно Акройду, их основной интерес – жизнь и движение толпы, «великая общая драма человеческого духа»². Для того чтобы быть фантазером, не обязательно быть художником или писателем. Одним из ярких фантазеров становится Дэн Лино, знаменитый комик

⁵⁴ *Амелин, Г., Мордерер В.* Указ. соч. С. 61.

⁵⁵ Дж. Бейнз одним из важнейших сюжетов первой московской тетради Мандельштама считает антитезу Армении и Палестины, с одной стороны, и «буддийской Москвы», с другой. Последняя отличается апатией, инертностью, отсутствием исторического движения, одним словом, азиатским элементом русского характера, который делает Террор практически неотвратимым (См.: *Baines J. Mandelstam : The Later Poetry.* Cambridge, 1976. P. 35). См. о «буддийских» мотивах в творчестве Мандельштама : *Мачерет Е.* О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // *Acta Slavica Iaponica.* 2007. Т. 24. P. 166–187 ; *Она же.* Буддизм // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники. Вып. 11. Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 181–193.

первой половины XX в. и герой одноименного романа Акройда. На его похороны пришла половина города, скорбя об утрате своего любимого «кривого зеркала».

Общей очевидной чертой фантазеров становится интерес к Лондону – городу, который занимает воображение Акройда всю его творческую жизнь. В своих произведениях фантазеры, среди которых упоминаются Блейк, Диккенс, Элиот, Тернер и другие художники (см. об этом лекцию Акройда «Лондонские светила и фантазеры коффи»), часто изображают Лондон и его окрестности. Задача данной работы – наметить эволюцию образа города в творчестве фантазеров и то, как эта эволюция отображена в биографиях Акройда.

Представляется целесообразным выделить три эпохи, интересующие Питера Акройда: раннего Лондона (или Лондона эпохи Проторенессанса и Ренессанса), Лондона XIX в. и Лондона XX в.

Лондон XIV–XVI вв. – бурлящий и кипящий город, что находит свое отражение в творчестве двух крупнейших творцов того времени: Джеффри Чосера (ок. 1340–1400) и Уильяма Шекспира (1564–1616).

Чосер родился в Лондоне, где и провел значительную часть своей жизни. Отличительная его черта – удивительная начитанность и книжность. Акройд говорит о растворении его личности в тексте: «Чосер стремится спрятаться за словами, а вернее, как личность раствориться в них»³. Как известно, Чосер был дипломатом; Акройд настаивает на том, что Чосер – дипломат в первую очередь, а поэзия была для него отдыхом и раз-

влечением. Уже первые поэтические творения Чосера несут на себе отпечаток глубокого знания поэтической традиции континентальной Европы и стремления развить ее. Французская лирика трубадуров становится образцом для стихотворения в память о герцогине Бланш Ланкастер, жене покровителя Чосера. Поездки Чосера в Италию познакомили его с творчеством великих итальянцев – Данте, Боккаччо и Петрарки. Все эти знакомые историкам литературы влияния Акройд упоминает в своей биографии Чосера, но одновременно подчеркивает его народные, чисто лондонские корни. Язык Чосера – язык самого Лондона: «Чосер хорошо усвоил язык улицы, густую колоритную смесь простонародной латыни с англо-нормандской фразеологией и местным английским говором. Это проявляется у него как в настойчивом обращении к столь свойственной лондонской речи гиперболичности, так и во вкраившихся в его стихи отдельных словечках и выражениях: “Постой-ка, парень, охоломи чуток”, “Рот на замок”, “Чего городишь-то”, “Поберегись-ка, дурень” и так далее»⁴.

Шекспир – уроженец провинциального Стратфорда-на-Эйвоне. Многие диалектные слова в его пьесах напоминают о происхождении драматурга: «honey-stalks» – клевер, «golden lad» и «chimney-sweeper» – одуванчик в разную пору цветения. В отличие от Чосера, стремившегося облагородить английский язык, Шекспир привносит в него просторечья и обороты разговорной речи. Успех его пьес, полагает Акройд, немало зависел от того, что его герои говорили с подмостков тем же языком, что их зрители, а не эвфуизмами, модными среди ученых поэтов. Он далек от ученой педантичности, некоторые его коллеги, например Бен Джонсон, упрекали его в неграмотности.

Как видно, определяя место объектов своих биографических описаний в английской литературе через их вклад в становление английского литературного языка, Акройд неизменно чуток к лондонским элементам в их индивидуальном стиле.

Кроме того, биографии содержат и прямые описания ренессансного Лондона: «Лондонцев можно было уподобить пчелиному рою, вечно занятому своим делом, но если тронуть – весьма опасному»⁵. Средний возраст людей того времени – 25–35 лет, сам Шекспир прожил 52 года. В его пьесах множество дуэлей, судов, споров и драк. Город-улей задает ритм жизни, характерный для многих фантазеров: все они отличаются редкой работоспособностью и упорством. Работа города производит постоянный неумолчный шум: «Каждое утро Чосер просыпался на своей верхотуре от шума повозок и телег, и этот шум служил постоянным аккомпанементом всем его домашним занятиям»⁶.

Ульем, как пишет Акройд, становится и театральная среда. В Елизаветинскую эпоху появляются первые стационарные театры на

том же южном берегу Темзы, где располагались разного рода низкопробные зрелища. Театрам приходится отвоевывать зрителей у петушиных и медвежьих боев; противостоять протестантскому осуждению театра как гнезда порока и разврата. В изображении елизаветинского театра-улья мы находим смысловые параллели с картинами «войны театров» у М. Морозова: «Бен Джонсон задумал написать для театра Блэкфрайерс полемическую пьесу под заглавием “Виршеплет”. В конце этой пьесы поэт Гораций (то есть Бен Джонсон) дает “виршеплету” (то есть Марстону) рвотное средство, чтобы заставить его извергнуть написанные им слова. В обозрении “Возвращение с Парнаса”, созданном студентами Кембриджского университета, комик Вильям Кемп говорит следующее: “Ах, этот Бен Джонсон – паршивый малый! Он вывел в своей пьесе Горация, который дает поэта рвотное средство. Но наш коллега Шекспир дал ему такого слабительного, которое подорвало его репутацию”. На что трагик Ричард Бербедрж (который также показан в обозрении) замечает о Шекспире: “Да, острый малый”»⁷.

Все это отражает шекспировский Лондон: средоточие возможностей, энергии, того самого движения толпы, которое, по Акройду, привлекает фантазеров. И даже если в шекспировских пьесах не найти детального указания на конкретные улицы, то общая атмосфера города пронизывает все его творчество: «Шекспиру не было нужды каждый раз упоминать Лондон: это суровая колыбель всего его творчества»⁸.

Лондон XIX в. в биографиях Акройда во многом сохраняет черты предыдущего периода. Он все так же энергичен, загружен, шумен, густонаселен и вдохновляет фантазеров. Среди них Чарльз Диккенс (1812–1870) и Уилки Коллинз (1824–1899), друзья и коллеги. Их романы и статьи наполнены интересом к социальной жизни города, особенно его среднего и низшего классов.

Коллинз в изображении Акройда интересуется проблемой женской эмансипации, выступает за равноправие женщин. Примером служит «Шокирующе грубая статья», написанная от лица женщины. Замаскированный автор восклицает: «Как несправедливо, и, если мне будет позволено добавить, какая возмутительная ложь! Женщины так же плохи, если не хуже. <...> Почему не написать о них ваше следующее произведение?»⁹ В шуточной форме Коллинз упрекает современных ему авторов в отсутствии достойных женских образов в литературе. Своими романами он стремится восстановить равновесие: его героини смелее, сильнее и ярче, чем герои-мужчины. Его героини могут становиться мученицами или злодейками, но в любом случае они будут ярче героев и злодеев. Кроме того, Коллинз пишет юмористические статьи с зарисовками из жизни. Героями и героинями его статей становятся люди, так или иначе нарушающие правила приличия: прерывающие беседу на самом интересном месте,

рассказывающие незнакомым людям о личных делах и т. п. Конечно, социальная значимость творчества Коллинза не может сравниться с социальной проблематикой романов Диккенса, но он дает своеобразный срез нравов лондонского общества.

Диккенс же, настаивает Акройд, стремится показать не только комическое, но и трагическое в жизни города. В «Очерках Боза» можно найти виртуозные сочетания несочетаемого: очерк о соседях начинается рассказом о гуляке и шумной компании, а заканчивается смертью юноши, который так распоряжается о своих похоронах: «Мама, милая мама, похорони меня в открытом поле – где хочешь, только не в этом ужасном городе. Я хотел бы лежать там, где ты могла бы видеть мою могилу, но только не здесь, не в этом тесном, душном городе. Эти многолюдные улицы убили меня»¹⁰. Жестокость Лондона отчасти смягчается у Диккенса красотой города: «Проходит час; шпили церквей и крыши самых высоких зданий чуть озаряет свет восходящего солнца, и постепенно, почти нечувствительно, улицы начинают оживать. Потянулись на рынок подводы с товаром: вон сонный возница сердито понукает усталых лошадей или тщетно пытается разбудить мальчишку, который сладко спит, растянувшись на корзине с фруктами, и уже не помнит, как давно и страстно мечтал поглядеть на Лондон со всеми его чудесами»¹¹. Акройд вместе с Диккенсом внимательно рассматривает родной город, видит его красоту и уродство.

Отдельные очерки посвящены районам Лондона, например, «Сэвен-Дайелс» или «Гринвичская ярмарка». Автор рисует сценки из жизни перекрестка: «Лавки старьевщиков, скупающих всякую рухлядь, тряпки, кости, ржавую кухонную посуду, соперничают в чистоте с закутками кролиководов и продавцов птиц, напоминающими Ноев ковчег, с той только разницей, что ни одна здравомыслящая птица, будучи выпущена отсюда, разумеется, никогда уже не вернется назад. Лавки, где торгуют подержанными вещами (нечто вроде благотворительных заведений для бездомных клопов), чередуются с вывесками грошовых балаганов, объявлениями содержателей частных школ, владельцев катков для белья, составителей прошений и таперов, предлагающих свои услуги для свадеб и балов; и все это вместе составляет декоративный фон, который приятно оживляют фигуры грязных мужчин, неряшливых женщин и замурзыанных ребятишек, табачный дым, мельканье волана, кучи гниющих овощей и более чем сомнительных устриц, тощие кошки, унылые псы и скелетообразные куры»¹².

В 1850-х гг. Диккенс впервые задумывается об автобиографии и возвращается к детским и юношеским воспоминаниям. Акройд пишет, что эти воспоминания поглощают писателя, становятся доминантой в «Тяжелых временах», хотя их отголоски можно найти и в других

поздних романах писателя. Хотя архитектура и топография столицы занимают значительное место в «Тяжелых временах», Диккенс создает образ города не только на сюжетном, но и на символическом уровне. Уроки Диккенса Акройд осваивает в своем первом романе «Великий Лондонский пожар», сюжет которого строится вокруг экранизации «Крошки Доррит»¹³.

Важным аспектом, привлекающим пристальное внимание Акройда, становится восприятие книг Диккенса самими лондонцами и взаимоотношения автора и читателей. Диккенс изначально пишет для среднего и низшего классов, подстраиваясь под их вкусы и интересы. Новым способом обратной связи с читателем становятся для него публичные чтения, на которых создается уютная и домашняя атмосфера: «Одним из секретов его гения была способность, несмотря на небезупречную семейную жизнь, служить воплощением домашнего уюта и семейного комфорта для своей публики»¹⁴. Читатели говорили, что он, как никто другой, смог отразить их в литературе, помог увидеть себя со стороны.

Точность отражения во многом зависит от необыкновенного внимания к деталям, характерного для творчества Диккенса и Коллинза. Акройд повествует, что последний в одном из писем просил уточнить расписание дилижансов, жалуясь, что в случае ошибки его завалят письмами читатели. Диккенс же был не настолько точен в деталях, касающихся непосредственно города, но его герои зачастую представляют очень узнаваемых городских персонажей, недаром Диккенсу несколько раз угрожали обвинением в клевете.

Совсем другим показан Лондон в поэзии Т. С. Элиота (1888–1965). В модернистской поэзии, порожденной опытом жизни в большом городе, центральной становится тема современного города как воплощения хаоса, разобщенности, непостижимости жизни. Соответственно, на первый план творчества Элиота, как показывает Акройд, выходит сам город. В нем царствуют туман («Туман своею желтой шерстью трется о стекло // Дым своей желтой мордой тычется в стекло»¹⁵) и дым, а утро не просыпается, а приходит в сознание от едкого пивного перегара улиц. Темза загрязнена пустыми бутылками, бумагой от бутербродов, а нимфы, которые жили здесь раньше, уехали. В конце поэмы «Бесплодная земля» встречается название народной песни «Лондонский мост падает», передающее ощущение элиотовского Лондона вообще: грязный, туманный, сонный, тревожный город, который скоро будет стерт с лица земли. Акройд в биографии Элиота подчеркивает, что поэт характеризует Лондон не как город, а как преисподнюю. В стихотворении «Путешествие волхвов» волхвы жалуются на враждебность городов. При этом Элиот – глубоко лондонский поэт и драматург. Джон Бетчмен в сборнике статей, опубликованном по результатам симпозиума в честь

семидесятилетия поэта, пишет о любви Элиота к этому городу: «Любовь к Лондону начинается с симпатии к Сити – сердцу Лондона и его старейшей части. Ни один поэт со времен Ленгленда и “Лондонского растратчика”¹⁶ не описывал шум и запахи Сити так живо, как Элиот»¹⁷.

Образ города, согласно биографиям Акройда, эволюционирует в произведениях фантазеров. Ранние авторы вдохновлялись энергией и движением города, черпали образы на его улицах, Шекспир в своих пьесах широко использовал фразы и выражения, услышанные на лондонских улицах.

Фантазеры XIX в. сделали город основой своих произведений. На страницах их романов господствует социальная проблематика. Акройд анализирует в их творчестве своеобразные «портреты в лондонских интерьерах»: женщина, пытающаяся добиться пересмотра вердикта, дети в приютах, долговая тюрьма и многое другое. Лондон заражает горожан своей суетливостью, тревогой, сеет в них мечты и надежды, иных наделяет желанием действовать вопреки всем преградам.

В XX в. город, как утверждает Акройд, вышел на первый план. Он стал полноценным героем поэзии такого наиболее чуткого к духу времени поэта, как Т. С. Элиот. Лондон окутан желтым туманом, люди спрятались по квартирам и пабам, отрекаясь от стремления к лучшей жизни. Рефреном звучит «Прошу поторопиться: время» («Бесплодная земля»), относящееся ко всему: и к конкретному пабу, и к тому, что время всего Лондона вышло. Такой образ обусловлен не только личностью фантазера, но и общей атмосферой XX в.: утратой веры в прогресс и человека.

Но Лондон, который позже станет героем главной книги Акройда «Лондон. Биография», со временем избавится от этой безнадежности. Он найдет в себе силы и энергию восстать из пепла и снова стать воплощением английскости, близкой Акройду.

УДК 821.512.154.09-3+929Айтматов

МОТИВ СУДЬБЫ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Ч. Т. АЙТМАТОВА

Ю. О. Васильева

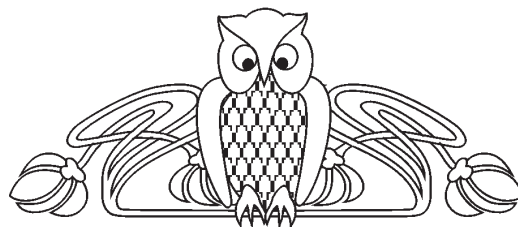
Саратовский государственный университет
E-mail: Julia5015@yandex.ru

В статье последовательно прослеживается реализация мотива судьбы в четырех романах Ч. Т. Айтматова, анализируются его семантические доминанты в каждом из произведений и выявляется эволюция этого элемента текста.

Ключевые слова: Айтматов, мотив, судьба, космизм, жертва, эсхатология, гуманистическая позиция.

Примечания

- ¹ *Ackroyd P.* The Collection : Journalism, Reviews, Essays, Short Stories, Lectures. L., 2002. P. 342.
- ² *Ibid.* P. 350.
- ³ *Акройд П.* Чосер. Биография / пер. с англ. Е. Осеневой. М., 2012, С. 20.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 6.
- ⁶ Там же. С. 54.
- ⁷ *Морозов М.* Шекспир. М., 1956. URL: http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения: 10.12.2014).
- ⁸ *Акройд П.* Шекспир. Биография / пер. с англ. О. Кельберт. М., 2009. С. 177.
- ⁹ *Collins W.* A Shockingly Rude Article // *Collins W.* My Miscellanies. L., 1875. P. 19.
- ¹⁰ *Диккенс Ч.* Наш ближайший сосед // Диккенс Ч. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. М., 1957. С. 101.
- ¹¹ Там же. С. 103.
- ¹² Там же. С. 129.
- ¹³ О влиянии «Крошки Доррит» на «Великий Лондонский пожар» Акройда см.: *Липчанская И.* Образ Лондона в творчестве Питера Акройда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. С. 9–11 ; *Она же.* Образ города в литературе постмодерна : к постановке вопроса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 79–83.
- ¹⁴ *Ackroyd P.* Dickens. L., 1990. P. 361.
- ¹⁵ *Элиот Т.* Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока // Элиот Т. С. Бесплодная земля / пер. с англ. А Сергеева. М., 1971. С. 20.
- ¹⁶ В «Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда (1370–1390?) описывается лондонский район Корнхилл; в сатирической балладе «London Luskpenny» (XV в.) в истории о злочлочениях жителя кентской деревни, который приезжает в Лондон в поисках правосудия, Джон Лидгейт впервые дает живую картину уличной жизни в разных районах Лондона.
- ¹⁷ *Beijeman J.* T. S. Eliot the Londoner // T. S. Eliot. A Symposium for His Seventieth Birthday / ed. by N. Braybrooke. L., 1970. P. 193.

The Motive of Fate in the Late Prose by Ch. T. Aitmatov

Yu. O. Vasilyeva

The article consistently traces the actualization of the fate motive in four novels by Ch. T. Aitmatov; his semantic key points are